

СЕРДЦЕ СЕРДЦУ.

Земля наша. 1

СЕРДЦЕ СЕРДЦУ.

I.

Вѣра Липинская весь день чувствовала какую-то неопределенную тревогу, тягостную тоску, и эти ощущения тоски и тревоги все усиливались и не давали ей ничѣмъ заняться. Весь день она была на людяхъ, какъ и всю эту недѣлю. Такъ случилось, что ужъ больше недѣли каждый вечеръ она куда-нибудь выѣзжала, и потому этотъ вечеръ она хотѣла провести дома, почитать. Но и покойство и тоска такъ томилъ ее, что она и сегодня рѣшилась куда-нибудь уйти. Вѣра вспомнила, что старшая сестра ея, Надежда, звала ее сегодня на вечеръ къ Незнаевымъ. Вѣра отказалась ѣхать, но послѣ обѣда перемудала.

Она вошла къ сестрѣ, когда та уже одѣлась на вечеръ и внимательно смотрѣла въ зеркало, соображала прибавить ли губной помады или пудры. Ей приятно было смотрѣться въ зеркало—она была румяная, веселая, и знала, что сегодня за нею будетъ ухаживать адвокатъ Кадымовъ, будетъ наливать ей за ужиномъ вино и гово-

рять забавные комплименты. Полные, приоткрытая Надеждина плечи почему-то были досадны Вѣрѣ, и она уже опять хотѣла передумать и остаться. Но сейчас же тоже больно схватила ее за сердце.

— И я поѣду съ тобой,—сказала Вѣра.

Надежда весело улыбаулась. Вдвоемъ пріятнѣе ѣхать, чѣмъ одной, туда. А обратно ей не захотѣлось, чтобы Кадымовъ провожалъ ее. Все-таки не надо, чтобы она слишкомъ много воображала о себѣ.

— И отлично, разлечешься!—сказала Надежда.

Бросила на Вѣру быстрый взглядъ. Сказала:

— Ты сегодня что-то очень блѣдна. Будешь переодѣваться?

— Нѣтъ,—сказала Вѣра.

— Какъ хочешь,—сказала Надежда,—только въ этомъ черномъ ты кажешься очень блѣдной.

— Ну и пусть,—упрямо говорила Вѣра.

— Какъ хочешь,—повторила Надежда.—Что-то ты сегодня неспокойна. Ну, ничего, дастъ Богъ, все обойдется хорошо и твой Сергѣй Николаевичъ вернется благополучно.

— Я ничего не думаю,—тихо сказала Вѣра.—Я только молюсь. А если убьютъ,—надо же кому-нибудь.

Губы ея дрогнули. Она съ трудомъ удерживалась отъ слезъ. Надежда весело говорила:

— Бери примѣръ съ меня—мой Володя тоже на войнѣ, а я носа не вѣшаю.

Вѣра засмѣялась невесело.

— Твой мужъ въ штабѣ, мой женихъ въ строю. Разница!

— Ну, не такая ужъ большая!—беззаботно сказала Надежда.

II.

Вечеромъ было весело и шумно. Много разговаривали, передавали разные неожиданные слухи, спорили, больше о войнѣ, о нашихъ интеллигентскихъ отношеніяхъ къ ней. Потомъ дочь Незнаемыхъ прошла нѣсколько романсовъ. Потомъ молодой человекъ съ длинными и прямыми волосами сыгралъ нѣсколько пьесъ Скрибина. Потомъ опять спорили.

Многие уже ушли, а Вѣра и Надежда оставались до самаго поздняго часа. Спорили спорили. О войнѣ, о культурѣ, о достоинствахъ германцевъ и о недостаткахъ русскяхъ. Одни говорили, что надобно побѣдить вѣчнаго врага, другіе говорили, что еще болѣе необходимо измѣнить то, что въ нашихъ порядкахъ осталось нахорошаго. Какъ всегда, люди искренне и слабые вскрикивали, восторгались и негодовали, а люди искренне и сильные старались разобраться въ томъ, чего намъ не достаеетъ. Какъ всегда, холодные эгоисты базались циничными патріотами, и произносили красивые слова.

Вѣра принимала горячее участие въ спорахъ.

— Четыре мѣсяца прошло,—говорила она,—пора и разобраться во многомъ.

Быль уже пятый часъ утра, почти всѣ гости ушли. Вѣра вдругъ почувствовала страшный приступъ тоски и слабости. Синій цѣпъ обоевъ и мебели прокинулся въ ея глазахъ фиолетовымъ дымомъ, и лица гостей мерцали веленовато-паловыми пятнами.

Точно кто-то сказалъ Вѣрѣ:

«Тебѣ-то что до всего этого, до этихъ споровъ и разговоровъ? Русскіе, германцы,—что тебѣ? Развѣ ты за-была о милomъ своемъ?»

И вдругъ темный глубинный голосъ сказалъ ей, что милый ея раненъ. Вѣра не повѣрила, но странно поблѣднѣла и стала собираться домой.

Хозяйка, молодая полная дама, наклоня къ Вѣрѣ слишкомъ крупныя на бѣломъ лицѣ синіе глаза откуда полились на Вѣру фіалковые блестящія участливо спрашивала:

— Что съ вами? Вы такъ вдругъ поблѣднѣли.

Вѣра говорила что-то поблѣднѣвшими губами,—а что именно, и сама не помнила. Собрала всю себя, кое-какъ прогнала фиолетовыя думы. Надежда говорила:

— У тебя голова кружится. Поѣдемъ домой.

III.

Вѣринъ женихъ, поручикъ Сергій Николаевичъ Блатовъ, былъ ея женихомъ не потому, что былъ влюбленъ въ нее: онъ почти никогда не говорилъ Вѣрѣ о своей любви, ни въ чемъ ни увѣрялъ ее, и не давалъ ей никакихъ обещаній. И она не казалась безвѣрно влюбленною въ него. Они сошлись только потому, что на землѣ не было для него болѣе близкаго по душевному строю человѣка, чѣмъ Вѣра, и потому, что на землѣ не было для нея болѣе по душевному строю близкаго человѣка, чѣмъ Сергій.

Оставаясь наединѣ, они не горючились наговориться. Они улыбались другъ другу, и смотрѣли другъ на друга, и держали другъ друга за руки, и словно невидимый токъ переживался отъ нея къ нему и отъ него къ ней.

Они молчали иногда подолгу, но имъ казалось, что они думаютъ объ одномъ и томъ же. Когда кто-нибудь изъ нихъ начиналъ говорить, это всегда было какъ бы отвѣтомъ на мысли другого. Ихъ даже не удивляло, что они могли читать мысли другъ у друга,—такое слыше душъ казалось имъ совершенно естественнымъ.

Случалось что онъ, приходя утромъ въ домъ Липинскихъ, рассказывалъ Вѣрѣ, что съ нею вчера случилось. И Вѣру не удивляло, что онъ говоритъ о ея дѣлахъ, мысляхъ, надеждахъ и мечтаніяхъ, словно читаетъ въ ея душѣ, какъ въ открытой книгѣ. Вѣдь и она такъ же свободно читала въ его душѣ.

IV.

Вѣра ѣхала на извозчикѣ, и краемъ уха слушала оживленную болтовню Надежды, которая перебирала все впечатлѣнія и сенсации вечера. Надежда изъ дѣтства, какъ все мы, была очарована Европою, и была рада тому, что многие изъ говорившихъ заступались за германцевъ.

Кто-то тихій и темный привикъ къ Вѣрѣ, и ей казалось, что она явственно слышитъ тихія слова:

«Тебѣ-то что до всехъ этихъ разговоровъ? Милый твой тяжело раненъ. Онъ умираетъ, а ты болтаешь и не хочешь удержать его на этой милой землѣ».

Вѣра вздрогнула, осмотрѣлась. Никого. Только оживленный Надеждинъ говоръ слышится.

— Да что съ тобой?—спросила Надежда.—Ты дрожишь? Тебѣ холодно? Ты простудилась?

— Нѣтъ,—сказала Вѣра.—спать хочется, только.

Но, какъ всегда, не слушая отвѣта Надежда быстро говорила:

— Какъ только прѣдемъ домой, примешь ванну. Если такъ плохо себя чувствовала, не надо было выѣзжать. Хотя тебѣ конечно, помыло иногда развлечься, — ты ужъ очень впечатлительна. И надо признаться, сегодня были довольно интересные разговоры. Миѣ, напримѣръ, очень понравилось что говорилъ Погорьельскій.

И опять полилась живая, веселая Надеждина рѣчь. А въ Вѣриноѣ сердцѣ была своя тоска, и въ умѣ ея свой вопросъ:

«Воля наша къ жизни такъ ли сильна, чтобы могла была удержать уходящаго?»

V.

Вѣра спала тревожно. Тяжелые сны мучили ее. Ей снился идущій гдѣ-то на далекой галицкой желѣзной дорогѣ слабоосвѣщенный вагонъ съ ранеными. Кто-то стоѣлъ, кто-то бредилъ. Какой-то солдатъ, блестя яркими, лихорадочными глазами, худой и желтый, оживленно разсказывалъ стоявшему передъ нимъ чернобородому еврей-санитару о томъ, какъ его ранили.

— Спи, голубчикъ, спи, — уговаривалъ его санитаръ.

Выбѣгать на площадку, хвататься за голову, дышать тяжело и поспѣшно, словно запасаясь воздухомъ, и опять возвращался въ вагонъ.

И вотъ знакомое, милое лицо. Вѣра видитъ Сергѣя. Онъ лежитъ, прикрытый шинелью. Подъ его головою заботливая рука еврей-санитара положила подушку, но подушка измятая и томная. Сергѣевы глаза открыты, но сознание въ нихъ только иногда вспыхиваетъ. И тогда онъ чувствуетъ духоту вагона, истому лихорадочной ночи, скрежетъ колесъ и толчки на стыкахъ. Потому въ его

озвнани тупо и медленно вползает боль плохо перевязанной раны. Эта боль возрастает, разгорается, становится остро-жгучею. Он стискивает зубы, и невольно самъ того не замѣчая, стонетъ. Измученное, блѣдное лицо санитаря наклоняется надъ нимъ. Чужой голосъ участливо спрашиваетъ его:

— Что съ вами, голубчикъ? Воды не хотите ли выпить?

Сергѣй смотритъ на него мутными глазами, и вдругъ вагонъ, ночь, санитарь,—все это тонетъ въ какомъ-то морѣ мрака и боль забита, и томления душею вагонной ночи отошли. Ему снится далекій, холодный, милый городъ на сѣверѣ, снится Вѣра. Онъ видитъ, какъ она мечется въ тоскѣ на своей постели. Вотъ она встаетъ, подходитъ къ образу, становится на колѣни, молится и плачетъ.

Сергѣю отраднo смотрѣть на бѣлую ризу образа, на слабый огонекъ голубой лампады. Изъ серебрянаго облака виденъ благостный ликъ Богоматери—благостный и утѣшающій, такой далекій отъ жизни, и являющій всѣ печали. Младенецъ на ея рукахъ и въ глубочайшихъ очахъ его обѣщанія небесныхъ награды. Каждая жизнь отходить,—жить умереть, не все ли равно?

Говорить кто-то тихій и свѣтлый:

— Ты душу свою отдалъ за другихъ, и развѣ есть на землѣ большая любовь?

Но подъ образомъ, на холодномъ полу, мечется и стонетъ бѣдная дѣвушка. И плачетъ и молится:

— Я люблю его, люблю. Приснодѣва Марія спаси его, сохрани его, верни его мнѣ.

И молится, и плачетъ, и вся тянется къ свѣтлому язику. И уже мутный зимній день глядитъ въ окно. Приходить старая няня. беретъ Вѣру за руку, и ведетъ ее на постель, приговаривая ласково:

— Спи, голубушка моя, спи.

Снятся Вѣрѣ далекіе вагоны. Смутный свѣтъ зимняго утра льется въ узкіе вагонныя окна. Сергѣй открываетъ утомленные болью мутные глаза, и смотритъ на нее.

VI.

За завтракомъ Надежда спрашиваетъ:

— Что съ тобою, Вѣра? На тебѣ лица нѣтъ?

Вѣра смотритъ на нее испуганными глазами и говоритъ:

— Ахъ, Надя, я знаю, съ Сергѣемъ что-то случилось.

— Полно, Вѣра, откуда ты это можешь знать? Мы только что получили отъ него письмо,—онъ здоровъ и веселъ.

— Я знаю, что его вчера тяжело ранили.

— Вѣра, если его ранили вчера, то объ этомъ сегодня здѣсь еще нельзя ничего знать. Такъ скоро извѣстія о раненыхъ не приходятъ. Все это твои воображенія. Прими брому, и успокойся.

Надежда даетъ Вѣрѣ бромъ,—много брому,—и Вѣра весь день ходитъ какъ свинцомъ налитая. Равнодушна и тоска. Тоска спокойная, тяжелая, домашняя, словно навѣки угнѣздившаяся въ сердцѣ. Такая тоска, отъ которой лицо блѣднѣетъ и губы улыбаются.

И вотъ опять ночь. Вѣра одна долго не спитъ. То она молится, то вдругъ встаетъ передъ нею сонъ не сонъ, грѣза не грѣза, явь не явь.

Сергѣя привезли на мѣсто. Онъ лежитъ на лазаретной койкѣ. Въ палатѣ бѣлыя стѣны, большія окна, завѣшанные гладкими, бѣлыми шторами. Ровно и не весело

горитъ одна электрическая лампочка, и свѣтъ ея отраженъ фарфоровымъ плиткомъ на потолокъ, и уже отъ по толка разсѣянъ ровно на палату, гдѣ шесть кроватей. Пять заняты, одна пустая.

Вѣра смотритъ, не видитъ, кто эти другие четверо въ одной палатѣ съ Сергѣемъ. Онѣ видятъ только Сергѣя. Онъ лежитъ прямо и неподвижно. Боль достигла такого напряженія, такъ истомила, что уже перестала чувствоваться отдѣльно отъ остальныхъ впечатлѣній бытія — и все предстоящее стало только великою болью.

Но вотъ качнулись и растаяли стѣны палаты. Тихо, ясно. Опять милый Вѣринъ покой, и ясный ликъ Приснодѣвы Маріи и слабый огонекъ въ голубой лампадѣ.

Вѣра встаетъ молиться. Молится долго. Мутный свѣтъ льется въ окно. Лыбятся Вѣрины слезы.

Вѣра стоитъ на колѣняхъ, и опять видитъ далекую палату и Сергѣя.

Сонъ со сномъ, греза съ грезой сходятся, здѣсь и тамъ.

VII.

Утро. Врачъ обходитъ палату. Останавливается у кровати, гдѣ лежитъ Сергѣй. Тихо говоритъ съ сестрою милосердія. Сергѣй открываетъ глаза.

— Ну-съ, шурчикъ, — бодрымъ голосомъ говоритъ врачъ, — какъ мы себя чувствуемъ?

Сергѣй молчитъ. Не знаетъ, что сказать. Наконецъ, слабо шепчетъ:

— Голова болитъ.

— Ничего, пройдетъ. Все пройдетъ. Черезъ недѣлю опять молодцомъ будете.

Сергѣй знаетъ, что докторъ говоритъ одно, а думаетъ

другое. По унылому, привычно-равнодушному лицу острого милосердия онъ угадываетъ, что врачъ только что спешнулъ ей:

— Врядъ ли выживетъ. Во всякомъ случаѣ до вечера дотянетъ.

Онъ отчетливо повторяетъ:

— До вечера дотяну.

Но врачъ не слышитъ его словъ. Переходитъ къ другому.

VIII.

И вотъ опять вечеръ. И уже поздно. Вѣра опять одна. Думаетъ:

«Мы съ нимъ сердце въ сердце и душа въ душу. Или воля наша—ничто? И не удержу его на этой милой землѣ?»

И услышемъ воли зоветь къ себѣ Сергѣя. И снится Сергѣю, что Вѣра зоветъ его. Ему тяжело и покойно, онъ обжился въ ощущеняхъ своей великой боли, поглотившей въ себя весь его міръ,—и какъ ему выйти изъ этого міра? Какъ встать? Какъ пойти? Лечь бы, лежать успокоенно навсегда.

Но зоветь Вѣра, и великая власть въ ея зовѣ. И въ душѣ его сквозь багровый туманъ боли встаетъ предчувствіе великой радости. Снится ему, что онъ всталъ. Снится ему, что онъ входитъ въ Вѣринъ милый покой. Рана горитъ, но онъ идетъ прямо и твердо, и на груди его, на мундирѣ, новый, только что полученный, крестъ. Онъ гордится этимъ крестомъ, и радъ, что увидитъ Вѣру. И вотъ видитъ Вѣру.

Ликъ Богоматери, ясный огонь голубой лампы, Вѣра на колѣняхъ передъ образомъ.

Долго молилась, ласкаться взыскала спомань,—и снятся ей: открылась дверь, внакомые шаги слышны: пойдокидить Сергѣй. Онъ веселый, а ей страшно.

Сонъ въ сонъ, греза въ грезу,—слезились два сна, словно оба они стали образами чьего-то сна, и кто-то иной видитъ ихъ обоихъ въ своемъ благостномъ снѣ.

Вѣра встала идетъ къ нему. На лицѣ ея улыбка: но сердце у нея тяжело. Радость или печаль? Не знаетъ. Вѣра, Вѣра, обрадуйся,—вѣдь онъ съ тобою!

Онъ идетъ къ ней, но между ними—преграда. Ей страшно.

Она идетъ къ нему, но между ними—преграда. И подь сердцемъ его горитъ кровавая рана.

Вѣра, Вѣра, обрадуйся,—онъ будетъ съ тобою!

Стоять другъ передъ другомъ, не смѣя вѣрять, не смѣя хотѣть,—обѣдны дѣти земли, отвычны отъ святыхъ чудесъ. Стоять, велеблясь передъ рекою черною.

Но сжалилась Приснодѣва Марія, и умилила Сына, и дала Вѣрѣ силу и радость. Вѣра воскреснула:

— Смерть твоя да будетъ моею. Мы вѣселимся, милый, милый, мой навсегда.

И бросилась къ нему, и обняла его, и воззвала громкимъ голосомъ:

— Не отдамъ тебя съ тобою буду.

Услышали громкій крикъ: приближали Надежда, и ня. Вѣра лежала на полу, и плакала.

— Что съ тобою, Вѣрочка?

Молчала Вѣра.

IX.

Сергѣй застоналъ, повернулся на бокъ. Ему было легко и весело. Сестра подошла. Онъ улыбнулся ей, и сказалъ весело:

— А и сестрица, умирать раздумать. Поживемъ на
вошемъ.

Сестра улыбнулась.

— Ну, и хорошо, голубчикъ.

Утромъ врачъ подошелъ къ Сергѣю, осмотрѣлъ его,
показалъ плечами.

— Ну что жь, все идетъ хорошо. Здоровый у васъ
организмъ, батенька—благодарите родителей. Сказать
по правдѣ, не чаялъ сегодня съ вами разговаривать, ну,
а теперь все будетъ хорошо.

— И я не чаялъ,—сказалъ Сергѣй улыбаясь,—да
Вѣра не пустила.

Докторъ поглядѣлъ на сестру.

— Ну, еще победитъ немного,—сказалъ онъ.

И отошелъ къ другимъ.
